

Смена - с-110 - 1996 - 26 авг. - с. 6.

Владимир Дорошев. Один из первых шоуменов в СССР

НЕЛАДНОЕ я почувствовала уже на пороге. В самом деле, представьте себе: нажимаете вы обыкновенную, ничем не примечательную кнопку звонка и вместо привычного резкого "дзынь" или мелодичного "тлям-тлям" слышите, как просто-таки гнусный, абсолютно склочный голос требует, чтобы хозяйва открыли вам дверь. И не успеваеете выйти из легкого столбняка, как появившийся в дверях хозяин огорошивает вас парой любезных фраз на тему о том, что только корреспонденток здесь и не хватало.

Пока вы, в зависимости от собственного характера, темперамента и чувства юмора, агрессивно бросаетесь в наступление, громко хохочете, тихо хихикаете или поспешно пятитесь к лифту, хозяин неожиданно сменяет гнев на милость и изъявляет готовность продемонстрировать вам собранную за многие годы коллекцию шкаликов (для непосвященных и непьющих - это такие маленькие симпатичные бутылочки с содержимым крепостью от ноля до сорока градусов). В них напитки всех времен и народов от банальной кока-колы, от привычных коньяков и ликеров до экзотического кубинского зелья, в котором плавают

Владимир Борисович, жизнь сейчас непростая, тяжелая, вроде бы не до смеха, а вы все смеетесь. Над чем смеетесь?

- Это вам не повезло с собеседником. Я не тот человек, которому можно такие глубокомысленные вопросы задавать. Философствовать не умею, и глубоких мыслей от меня ждать нельзя. Говорят, что я остроумный, - это неправда. За всю свою жизнь я звал только одного действительно остроумного человека - это незабвенный и гениальный Николай Павлович Акимов, с которым я имел счастье быть знакомым. А я в какой-то степени остроулов - и только. Поверхностный такой человек.

По-моему, вы себя недооцениваете.

- Ну, это я кокетничаю. Я вообще-то цену себе знаю. У меня есть уникальная способность: нет такого вопроса, на который я не мог бы найти ответ. Я уже двадцать лет ежедневно ежу в Москву на один день в Центральный дом актера, где собираются все театральная Москва против меня одного. Против - потому что я предварительно сообщаю, что меня можно перебивать, мне можно задавать вопросы на любом языке из любой области науки, искусства, спорта. Например, мне задают из зала вопрос: "Владимир Борисович, вы человек опытный, многих видели, многих знаете. - ответьте, кого вы считаете сегодня гением в стране". Я отвечаю: "Вопрос очень трудный, потому что нас несколько

весьма противная с виду гусеница - вероятно, в качестве "шампуня и кондиционера" (в смысле выпивки и закуски) в одном флаконе.

Вы, уже успокоившись, мирно разглядываете гусеницу - и тут вдруг начинают кукарекать наручные часы, лежащие на столе и до того момента не подававшие признаков жизни. От этого кукареканья падает со стола яйцо с помятой скорлупой - громко стучается сб пол, но почему-то не бьется... Хозяин поднимает его, заглядывает целиком, не жуя, потом оно возникает из ничего в его левой руке. Не дав вам опомниться, он уже виртуозно исполняет на бутылочной пробке марш Штрауса...

В общем, тут мне стало ясно, что с этим уже ничего не поделаешь, надо просто смириться, принять как данность - не пытаться понять и не искать логических оправданий всем этим феноменам. Потому что я оказалась в гостях у Владимира Борисовича Дорошева. Для тех, кто в курсе, объяснений уже не требуется. Для остальных скажем только, что этот человек давно и заслуженно носит титул "короля ленинградских капустников".

Или спрашивают: "Когда в Елисейском магазине появились в продаже..." Отвечаю: "В марте". - "Что - в марте?" - "А это, - говорю, - уже другой вопрос".

Ответ на вопрос рождается у меня в тот момент, когда задается этот вопрос. Вот такая интересная особенность. Меня на этот предмет даже исследовали в Академии медицинских наук.

И к какому выводу пришли исследователи? Это что у вас - врожденное?

- Когда мне еще шесть лет было, мой папа говорил: единственное, что ты умеешь, - это отвечать. Он мне делает замечание - я тут же отвечаю. Вот с тех пор у меня это и развилось.

И на этом вы построили всю свою профессиональную деятельность?

- Пытался построить. Потому что, как вы знаете, импровизацию на сцене наша торговельная советская власть сделала совершенно невозможной. Для меня, правда, была поблажка. По Ленконцерту, где я сорок лет работал конференсье, выпустили приказ, где говорилось: для артиста Дорошева в виде исключения допустима импровизация на разрешенном материале. Представляете? По-моему, это для Книги рекордов Гиннеса годится.

И вам всегда все сходило с рук?

- Не всегда. Однажды скандал был. Вызывает меня директор Ленконцерта и гово-

рит: "А из области микробиологии вам можно задавать вопросы?" А я не знаю, что это такое. Совсем. "Конечно, - говорю. - Микробиология для меня - это вообще пройденный этап". Он не унялся: "Ну скажите, весь мир волнуется: все-таки можно создать младенца в пробирке?" Отвечаю: "В Ленинграде - нельзя. Потому что нигде нет пробирок".

Понятно, из любой ситуации вывернетесь. А бывало, что кто-нибудь обижался на вас не на шутку за такие штучки?

- Обижались лихо. Однажды на меня сразу вся Александринка обиделась. Я вышел и сказал: "Мне очень приятно видеть в зале представителей славного Театра имени Александра Сергеевича Пушкина, на сцене которого рядом с молодежью дружно трудятся и современники великого поэта". Некоторые несколько лет потом со мной не разговаривали.

Как бы вы определили - что это за род деятельности, которым вы занимае-

Когда Владимир Дорошев попадает на операционный стол, хирург от смеха не может удержать в руках скальпель

рит: Володя, ты не понравился сразу трем секретарям Кировского райкома. Что же им не понравилось? Концерт прошел на ура. Так аплодировали, что я вышел и сказал: "Это прекрасно, что вы так хлопаете, но метро до часу..." Что, разве я что-то очень страшное сказал? По-моему, даже в политическом отношении это вполне безобидно. Но сказали: нерусская внешность и говорит от себя. Конференсье, который говорит от себя, не мог им понравиться. К счастью, директор позвонил в райком и сказал: сделано внушение. На том все и кончилось.

Скажите честно: неужели за всю вашу жизнь не было ни одного случая, когда поставил вас в тупик и вы не нашлись, что ответить?

- Не помню. Честно говорю - не помню. Бывали каверзные вопросы. Однажды пригласили на концерт в Институт микробиологии. Сидят серьезные люди. Их тоже предупредили, что можно задавать любые вопросы. Встает красивый ученый лет сорока с окладистой черной бородой и спрашивает:

Слово "конференсье" к вам все-таки не очень подходит.

- Конференсье я был, по-моему, так, на четверочку. Потому что главные мои качества не использовались. Начали они использоваться только с появлением капустников - был такой знаменитый капустник Александр Белинского, он существовал двадцать пять лет, и все двадцать пять лет я его вел. Наверное, наиболее правильное название этой профессии - шоумен.

Но это понятие недавно у нас появилось, а вы всю жизнь этим занимались. Вы, может быть, первый шоумен в нашей стране?

- Не надо. Первый у нас Якубович.

Я имею в виду первый - по времени появления.

- Были и другие, до меня. Но с публикой все же почти никто не разговаривал.

Вы и в жизни веселый человек?

- Я, конечно, веселый человек... и грустный человек. Во мне эти два качества совмещаются. Я пессимист в принципе, как это ни странно.

Неужели? А я слышала замечательную историю, как вы пели что-то ужасно смешное чуть ли не на операционном столе.

- Да, меня везли на каталке, и я в операционную въезжал с песней: "И плакали сестры, как дети, и нож у хирурга дрожал..." Они не могли начать операцию. Пятнадцать минут хохот стоял. Но все обошлось.

Да я и великолепных анекдотов миллион знаю. Ну семьсот-то штук точно.

Расскажите самый любимый.

- Самый удачный за последние тридцать лет - это, по моему, анекдот о том, как позвонили в диспетчерскую аэропорта... А тогда шел фильм "713-й просит посадки". И вот диспетчер слышит голос (очень смешно имитируя интонации сильно выпившего человека. - Авт.): "713-й у тебя просит посадки, понял?" Диспетчер: "Что-о? Дайте мне первого пилота!" - "Первый пилот вдрыбадан пьяный, подойти не может. Тебя попросили раз в жизни, ты можешь дать посадку 713-му или не можешь? Только честно!" - "Второго пилота дайте мне!" - "Второй пилот вдрыбадан пьяный, подойти не может. Тебя же просят как мужика"

жика

это помещение. Но есть надежда, что очень скоро мы вернемся на прежнее место.

Сейчас все уже, конечно, по-другому. К нам теперь приходят люди, которые могут платить. Билет у нас стоит 30 тысяч - хотя согласитесь, что за 30 тысяч получить и легкий ужин с бутылкой вина, и концерт, и танцы - это не так дорого. Но все же платить сегодня хочет за это только народ крутоватый. И нам приходится как-то под него подстраиваться. Это, конечно, уже не тот вариант, когда к нам приходила сплошная интеллигенция. Мы принимали в гостях весь Театр сатиры, Театр имени Маяковского, Малый театр...

А потому главное мое счастье и смысл жизни сейчас - это поездки в Москву. Там совсем другая публика, там выс-

шья класс.

Вы Москву больше любите, чем Петербург?

- Выступать люблю больше в Москве. Москва и повальнее, и посвободнее. У нас огромный город, но очень провинциальный. Он зажатый какой-то. Москва, может, грубовата, может, простовата, но она гораздо свободнее. Но город все-таки люблю больше наш.

А жить где больше хотели бы?

- Это еще вопрос. Мне очень нравится Нью-Йорк. Самое потрясающее в Америке - не то, что там всегда были завалы продуктов, когда у нас было пусто. Самое потрясающее - это отношение к чужим людям. Там целый день везде слышишь три фразы: будьте любезны, виноват, простите, пожалуйста. А их сервис - это вообще непонятно что такое. Заходишь в какую-нибудь контору, какое-нибудь бюро обслуживания, и на тебя там смотрят так, как будто - вот, наконец он пришел, мой любимый. Я двадцать лет его ждала, и он пришел. Я там никак не мог понять - да на черта я ей нужен? Одет вроде бедновато... Но она же не знает - а вдруг я разбогатею? Вдруг у меня брат богатый? Или вдруг я просто кому-то расскажу об этой конторе - кто-то еще тоже захочет сюда прийти?

А наша жизнь на вас какое впечатление производит?

- Что я могу вам сказать? Наверное, скоро импровиза-

ция снова будет позволена только на разрешенном материале.

Да, вот здесь вам не до смеха.

Ну почему - смеемся в нашем кабаке, пытаемся как-то... У меня, например, был даже монолог Жириновского.

Политикой, я вижу, вы интересуетесь.

- Очень интересуюсь. Я ведь закончил университет, исторический факультет, собирался заниматься внешней политикой. Но тут война началась, мы последний госэкзамен сдали 25 июня 41-го года, а 3 июля пошли добровольцами...

Обо мне сейчас вдруг стали говорить, писать, вот Гананольский снял в "Бомонде". Но сейчас это уже не нужно. Раньше надо было меня раскручивать. Сейчас можно открывать театры, кабаре... Но уже 77 лет, уже надо о замалывании грехов думать.

Вы разве никогда не чувствовали себя популярным человеком?

- Среди актеров я и сейчас популярный человек. Но жизнь-то уже - на коду...

У вас очень много разнообразных талантов...

- Скажем так - способностей. Например, есть у меня необыкновенная способность к фонетическому овладению иностранными языками. Мгновенно усваиваю произношение - то, что считается главной трудностью в изучении разговорного языка. В нашем Доме дружбы на Фонтанке я вел концерты на тринадцати языках,

из них плохо зная два: французский и еще хуже - испанский. Однажды вел концерт на японском языке, не зная ни одного слова по-японски. После концерта ко мне подошла женщина, которая оказалась руководителем японского отделения филологического факультета, и спросила: откуда у вас такой токийский акцент?

А дело в том, что мой переводчик был токийцем. И перед выходом на сцену я его спрашивал, как сказать по-японски какую-нибудь фразу, например: "Я начал забывать родной язык". Потом я вышел и это воспроизвел. Я в Америку ездил, зная по-английски двадцать слов.

Но я из

них составил себе парочку фраз, с которыми обращался к американцам. Они мне начали отвечать, видели, что я ничего не понимаю, и очень удивлялись; вы же так прекрасно говорите!

Ну что еще? Рисую шаржи на известных людей за две-три минуты - прямо с экрана телевизора. Пишу одесские рассказы...

Почему одесские? Вы жили в Одессе?

- Я в Одессе не жил, но я совершенно обалдел от этого города. Они же там не говорят - они конфеируют. Ну вы где-нибудь еще можете услышать такую фразу: "Я вас вчера видел лежать у Шуры в столе".

Что это значит, вы понимаете? Фотографию он увидел. Или стоит крик во дворе. Кто-то кричит: "Где у нас случился?" Другие отвечают: "Так Либерман же умер!" - "Что, опять?"

Я на это не могу спокойно реагировать. Я падаю под стол.

Кто-нибудь, кроме вас, догадывается, что вы на самом деле грустный человек и пессимист?

- Моя жена. Она считает, что большего зануды, чем я, просто быть не может. Она никогда в жизни меня не хвалит. Но когда я на сцене и на меня уже накатило... Тогда она знает: раз на него опять чашло - значит, все будет нормально...

Беседовала
Лариса БАЗАРОВА
Фото Виктора ДЮЖАЕВА